

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 695–719, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

Некоторые фонетические особенности языка каракольских калмыков: 50 лет лингвистического изучения

Анна Владимировна Дыбо¹,
 Илья Александрович Грунтов²,
 Владимир Наанович Мушаев³

¹ Институт языкоznания РАН (д. 1 стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом

0000-0002-6077-7183. E-mail: [adybo\[at\]mail.ru](mailto:adybo[at]mail.ru)

² Институт языкоznания РАН (д. 1 стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-3290-2725. E-mail: [altaica\[at\]yandex.ru](mailto:altaica[at]yandex.ru)

³ Калмыцкий государственный университет (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0001-8321-7667. E-mail: [mushaev_vn\[at\]mail.ru](mailto:mushaev_vn[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Дыбо А. В., Грунтов И. А., Мушаев В. Н., 2025

Some Phonetic Features of the Karakol Kalmyk Language: Fifty Years of Linguistic Study

Anna V. Dybo¹,
 Ilya A. Gruntov²,
 Vladimir N. Mashaev³

Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Head of Department

Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

Dr. Sc. (Philology), Professor

© KalmSC RAS, 2025

© Dybo A. V., Gruntov I. A., Mashaev V. N., 2025

Аннотация. Введение. Каракольские калмыки — этническая группа ойратского происхождения, проживающая в Ак-Суйском районе Иссык-Кульской области Кыргызстана. Они являются потомками олотов, которые после подавления дунганского восстания 1881 г. перебрались на современные территории расселения. Язык каракольских калмыков утрачивается. Цель статьи — рассмотреть основные фонетические диагностические признаки, характеризующие диалект

каракольских калмыков, проживающих в Кыргызстане, в сравнении с другими калмыцкими и ойратскими диалектами и говорами. *Результаты*. Выявлены значения этих признаков на современном материале (собственном полевом материале авторов); проведено сопоставление с иногда противоречивыми описаниями, содержащимися в литературе. Установлен ряд фонетических распределений для действия правил переходов от общемонгольского состояния к состоянию, задокументированному для диалекта. Инструментальный акустический анализ в ряде случаев позволил подтвердить или опровергнуть слуховое впечатление различных исследователей диалекта. Классификационная специфическая близость диалекта к говору калмыков-цаатанов пока подтверждается по нескольким параметрам, но не находит подтверждения по некоторым другим; впрочем, окончательное решение может быть получено только после фонетического обследования других диалектов калмыцкого и ойратского языков по аналогичной признаковой матрице.

Ключевые слова: ойратская группа монгольских языков, диалекты, диалект каракольских калмыков, историческая фонетика, акустическая фонетика

Благодарность. Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта РНФ «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика» (№ 23-18-00518). Авторы выражают благодарность всем носителям языка каракольских калмыков, работавшим с ними.

Для цитирования: Дыбо А. В., Грунтов И. А., Мушаев В. Н. Некоторые фонетические особенности языка каракольских калмыков: 50 лет лингвистического изучения // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 3. С. 695–719. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-695-719

Abstract. *Introduction.* Karakol Kalmyks are an ethnic group of Oirat descent inhabiting Ak-Suu District of Issyk-Kul Region (Kyrgyzstan). Those are descendants of Olots that migrated there after the Dungan Revolt of 1881 was suppressed. Nowadays, their native language is vanishing. *Goals.* The paper examines key phonetic diagnostic features characterizing the Karakol Kalmyk dialect in Kyrgyzstan — in comparison to other Kalmyk and Oirat dialects and subdialects. *Results.* The article reveals values of the features on the basis of present-day materials (the authors' own field data) and provides comparative insights into sometimes contradictory descriptions available in published works. It also specifies a number of phonetic distributions inherent to manifestations of sound change rules — from the common Mongolic state to the one documented for the dialect. In a number of cases, instrumental acoustic analyses made it possible to confirm or refute some auditory impressions of various dialect researchers. The specific classification proximity of the dialect to that of Tstaatan Kalmyks is confirmed for a number of parameters. However, any final conclusion can only be made after phonetic investigations of other Kalmyk and Oirat dialects through the use of a similar feature matrix.

Keywords: Oirat group of Mongolic languages, dialects, Karakol Kalmyk, historical phonetics, acoustic phonetics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00518 ‘Digital Atlas of Mongolic Dialects in Russia: Basic Vocabulary’. The authors express their heartiest gratitude to all involved native speakers of Karakol Kalmyk.

For citation: Dybo A. V., Gruntov I. A., Mushaev V. N. Some Phonetic Features of Karakol Kalmyk: Fifty Years of Linguistic Research. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 695–719. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-695-719

1. Общие сведения

Каракольские калмыки (самоназвание *сарт-калмак*, *сарт-калмыки*) живут в районе озера Иссык-Куль (кирг. Ысык-Көл) в Кыргызстане. По историческим данным, они переселились туда в XIX в. Относительно их происхождения существуют разные представления. По одним, это торгуты, которые по возвращении в Синьцзян с Волги кочевали

ли по реке Текес, а после Дунганского восстания (1861–1878) вышли на Нарин-гол, далее на Иссык-куль и Каракол (1881–1884) [Дондуков 1973: 165]. С другой стороны, в на основании сарт-калмыцкого предания [Бурдуков 1935] решительно утверждается, что это олеты, искони кочевавшие по рекам Чу и Текесу, и, вероятно, эти перекочевки могли включать и Каракол [Убушаев 2006:

38–40]. В настоящее время они являются мусульманами. Их численность составляет около 4–5 тыс. человек. Сарт-калмыцкими являются села Челпек, Таш-Кыя, Бурма-Суу и Берю-Баш в Иссык-Кульской области. Отношение сарт-калмыков к другим ойратам, особенно к калмыкам, разными специалистами оценивается по-разному. Например, Д. А. Павлов [Павлов 1990: 2] в очерке «Каракольские калмыки и их языки» утверждает, что характерные особенности их этнического самосознания, языка и фольклора свидетельствуют о былой общности с калмыками Поволжья, особенно с торгутами-цаатанами. В то же время Д. Сомфай-Кара упоминает, что преподавание литературного калмыцкого языка не прижилось у сарт-калмыков из-за сильного отличия диалекта (и кроме того, религиозных различий) [Somfai-Kara 2012: 202]. Б. Х. Борлыкова и Б. В. Меняев полагают, что диалект сарт-калмыков наиболее близок языку олетов Синцзяна и цаатанскому подговору торгутского говора калмыцкого языка [Борлыкова, Меняев 2020: 65].

Диалект сарт-калмыков близок к исчезновению. По данным 1999 г. [Somfai-Kara 2012: 201], свободно говорящими на языке сарт-калмыков были пожилые люди старше 80 лет, поколение 60-летних все еще понимало сарт-калмыцкий, но не использовало его. Основными языками общения в быту являлись киргизский и / или русский языки. Приблизительно так же можно оценивать ситуацию и в настоящее время.

В октябре 2024 г. делегация Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, помимо участия в официальных встречах с представителями научно-образовательных учреждений в г. Бишкеке и г. Караколе Иссык-Кульской области, посетила места компактного проживания каракольских калмыков. В селе Берю-Баш и в Челпековской сельской управе, куда входят села Бурма-Суу и Таш-Кыя, были организованы встречи с местными депутатами, представителями старшего поколения и молодежью, в ходе которых от 13 местных жителей с разным уровнем владения калмыцким языком были получены заполненные анкеты.

Для записи использовался стандартный список 200-словника Сводеша с контекстами. Информанты из сел Берю-Баш, Челпек, Бурма-Суу и Таш-Кыя, рожденные в период с 1934 г. по 1953 г. использовали каракольский калмыцкий язык для общения в быту, при этом они хорошо владели киргизским (также часто использовавшимся в бытовом общении) и русским языками.

2. Фонетические особенности языка сарт-калмыков в предшествующих описаниях и нашем полевом материале

По мнению большинства авторов, именно фонетические особенности языка сарт-калмыков позволяют выделить его как диалект калмыцкого языка, а не как говор.

Следует, однако, признать, что описания сарт-калмыцкой фонетики у разных авторов имеют некоторые отличия.

Самое раннее исследование собственно лингвистических данных по языку сарт-калмыков принадлежит У.-Ж. Ш. Дондукову [Дондуков 1973; Дондуков 1975]. Затем были опубликованы статья Э. Р. Тенишева [Тенишев 1976]; брошюра Д. А. Павлова [Павлов 1990], в основу которой легли материалы экспедиции 1982 г.; описание в монографии Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006], также составленное по материалам экспедиции 1973 г.; описание в статье Д. Сомфай-Кара [Somfai-Kara 2012] по итогам его поездки в 1999 г. В 2014 г. было опубликовано очень краткое описание сарт-калмыков и их языка Р. Алимова [Алиев 2014]. Упоминается язык сарт-калмыков и в диссертации Аттилы Ракоша [Rákos 2015], основой которой послужили материалы, взятые из изданной литературы. В ней фонетическим различиям между диалектами ойратской группы монгольских языков не уделено особого внимания, так как они признаются нефонологическими. Однако диалектолог, пытающийся составить генеалогическую или даже квантитативную классификацию диалектов, не должен пре-небречь нефонологическими (аллофоническими) различиями, которые могут отражать вполне фонологические исторические процессы, к тому же для лингвиста продуктивнее при описании придерживаться идиом позиционной фонологии.

Новое и наиболее полное описание сарт-калмыцких фонетических особенностей находим в статье Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева [Борлыкова, Меняев 2020], написанной на основе собственных полевых материалов, собранных авторами в ходе экспедиций в Аксуский район Кыргызстана в период с 2009 по 2017 гг. В ней исследователи сопоставляют их данные с данными из ранних описаний.

В настоящей работе нами приводятся фонетические признаки, которые в калмыцкой диалектологии принято считать различающими говоры и диалекты калмыцкого языка, и их значения для сарт-калмыцкого, представленные в работах предшествующих исследователей (табл. 1).

3. Обсуждение

Для калмыцких диалектов существуют обобщающие описания, позволяющие извлечь из них набор языковых различительных признаков, по которым конкретный идиом можно было бы отнести к тому или иному говору. Прежде всего это работа Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006]. Мы воспользовались системой признаков, извлекаемой из данной монографии [Убушаев 2006], а для ойратских диалектов и говоров постарались извлечь сравнительные данные из работ Ж. Цолоо [Цолоо 1988], Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012], С. Баттулги [Баттулга 2019], в основном посвященных языку ойратов Монголии. В работе Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева [Борлыко-

ва, Меняев 2020] изредка приводится полевой материал, собранный авторами по ойратским диалектам Синьцзяна.

Записанный нами материал далеко не полон, и все наши информанты продемонстрировали владение скорее херитажным языком. Однако некоторые существенные различия в работах наших предшественников можно прокомментировать. При исследовании произношения были использованы спектрограммы, полученные в программе для акустического анализа PRAAT¹.

3.1. Вокализм

3.1.1. Развитие конечных *i*-дифтонгов

Одной из важных характеристик диалектов ойратской группы принято считать стяжение прамонгольских дифтонгоидных сочетаний *ai, *ei в открытый ε: (ε в кириллической калмыцкой орфографии). На деле это один из основных признаков, различающих калмыцкие торгутский, дербетский и бузавский диалекты. Из данных, приведенных в исследовании Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006: 79–80], можно составить следующую признаковую таблицу (см. табл. 2).

Насколько можно понять из работ У.-Ж. Ш. Дондукова и Д. А. Павлова, каракольский калмыцкий характеризуется в них так же (хотя у Д. А. Павлова имеется одно отклонение); и это один из трех фонетиче-

¹ PRAAT // URL: <https://praat.org/> (дата обращения: 15.08.2025).

Таблица 2. Развитие *ai и *iya на конце слова в калмыцких диалектах
[Table 2. Evolution of *ai and *iya in word endings across Kalmyk dialects]

	Перевод	Лит.	Торг.	Дерб.	Ики-дерб.	Буз.	Цаат.	Сарт. [Убушаев 2006]	Сарт. (ПМА)
*ai#	‘свинья’ ‘змея’ ‘голова’ ‘червь’ ‘собака’ ‘выходит’ ‘наш’ ‘много’	<i>haxa:</i>	<i>haxa:</i>	<i>haxə:</i>		<i>həxə:</i>	<i>həxə:</i>	<i>həxə:</i>	<i>nəχə:</i> <i>тəχə:</i> <i>tolχá:</i> <i>χorχá</i>
*iya#	‘курица’	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>	<i>takə:</i>		<i>təkə:</i>	<i>təkə:</i>	<i>təkə:</i>	<i>taka:</i>

* Презентное окончание *-nai и претеритное *-bai восстанавливаются для общеойратского состояния в соответствии с письменно-ойратскими формами -nai и -bai, см. [Яхонтова 1996: 85–86].

Таблица 1. Сводные данные по отличительным признакам сарт-каимыцкого
[Table 1. Summarized data on distinctive features of Sart-Kalmuk]

Фонетическое развитие общемонгольских форм	[Дондуков 1973]	[Генишев 1975]	[Павлов 1990] (1982)	[Убулаев 2006] (1973)	[Somfai-Kara 2012] (1999)	[Борлыкова, Меняев 2020]	Наш полевой материал (2016, 2024)
*Vi# (например: <i>arbai</i> 'ячмень') (?) (как пример на <i>æ</i> , типографская ошибка?)	<i>arva</i> 'ячмень' ходит в долгий <i>æ</i> ; или в долгий заднерядный гласный	<i>сэвэ</i> 'свинья', <i>үсэлэ</i> 'бедный', <i>хөрмэ</i> 'подол', но: <i>наха</i> 'собака'	« <i>Старо-письменные</i> диактоны	от позиции в слове разелись в гласный [ə] ~ ə, /r/	<i>поха</i> 'собака', <i>хаха</i> 'свинья', <i>тока</i> 'змея', <i>сама</i> 'подумал', <i>жоюн</i> 'идет', но <i>йүнү</i> 'просо'	<i>поха</i> : * <i>nokai</i> 'собака', <i>тока</i> : * <i>mogai</i> 'змея', <i>тохса</i> : * <i>tolugai</i> 'голова', <i>хорхай</i> : * <i>qorqai</i> 'чевяк', <i>исонта</i> : 'мокрый', <i>суна</i> : 'сидит', <i>зохсана</i> : Т 'остановилась', <i>зохсана</i> : К 'стоит', <i>суна</i> : Т 'сел', угэ, гэ К, А * <i>үгэi</i> 'нет'	
*iua#, результат стяжения	—	—	—	—	—	<i>taka</i> : 'курица'	
*VyV (например: <i>ayaga</i> 'чашка')	<i>байна</i> 'находит-ся', — каков результат стяжения?	—	бээнэ 'есть', ээмьг 'аймаг', чэ 'чай' (*сэ-уй?)	э:he 'чашка'	—	<i>ийтээг</i> 'аймак', чэй 'чай', <i>сэдэн</i> 'хороший', <i>айриг</i> 'айран', <i>ийдэл</i> 'айи'	<i>сэ:н</i> 'хороший', <i>бэ:не</i> 'есть', <i>и:дэлээ</i> : Я, Т 'сидит', <i>ни:жээлээ</i> : Т 'легит'
(C)VCi(C) (например: * <i>morin</i> 'лошадь')	<i>айр'к</i> 'и' 'волка', <i>мойрн</i> 'лошадь'	<i>хэрэ</i> 'двалият', <i>тэвэ</i> 'пятьдесят', сят	<i>тэвэ < tabin</i> '50', <i>мөрүн</i> 'лошадь', <i>сэльхэн</i> 'ветер', но:	<i>кхүрүм</i> 'свадьба', но: <i>такъм</i> 'подковленный стиб'	<i>мөрэн</i> 'лошадь', <i>хөхн</i> 'овца', но: <i>такъм</i> 'подковленный стиб'	<i>аймийн</i> 'люди', <i>тайвэ</i> 'пятьдесят', <i>дэлхээл</i> 'вздох', <i>чийгэ</i> 'часть', <i>дүнтэхэл</i> 'сладкий', <i>арки</i> 'водка', <i>дүнгэлтэй</i> 'тневный', <i>дүм</i> 'яблоко',	<i>мөртн</i> 'лошадь', <i>хөнгүэ</i> 'баран-Асс', <i>таев</i> '5', <i>аэллигэг</i> К 'яблоко-Асс' (но <i>аэллигэг</i> Т)

¹ Здесь и далее все примеры приводятся в графике источников. Все примеры из ПМА приведены в транскрипции МФА. В данных из наших полевых материалов заглавной буквой обозначены фамилии информантов, при отсутствии обозначения данное произношение зафиксировано у всех информантов.

<p>*(C)iCV и *(C)ViCV (новая передняя гармония по предшествующим <i>i, æ</i>)</p>	<p>киру 'иней', бээна 'имеется', ээмэг 'аймак'</p>	<p>киру 'иней', бээна 'имеется', ээмэг 'аймак'</p>	<p>нет перелома, роль «и» со- дится к палата- лизации пред- шествующего ему согласного звукам:</p>	<p>неполный пер- лом: н'юдүн 'глаз', н'үрдүн 'спина', н'ульмсын 'сло- на', н'эбүн 'одна', но</p>	<p>перелом: н'юдүн 'глаз', н'үрдүн 'спина', н'ульмсын 'сло- на', н'эбүн 'одна', но</p>
<p>*(C)iCV (пер- лом)</p>	<p>(*nidüñ 'глаз' * nigen '1')</p>				
<p>*(C)iCV (пер- лом)</p>	<p>(*nidüñ 'глаз' * nigen '1')</p>				

‘птица’, čilahun ‘камень’	<i>mörhn</i>	Конечный <i>e</i> встречается после <i>θ</i> , <i>ð</i> , <i>e</i> : <i>ðörfə</i> ‘четыре’, <i>üēse</i> ‘девять’, <i>üērə</i> ‘девяно- сто’, <i>üchə</i> ‘отец’, <i>üke</i> ‘мать’, <i>üslüre</i> ‘шестьде- сят’, <i>üñiçe</i> ‘правнук’ [Генишев 1976: 84].	«Лабицальные гласные в не- первых (вто- ром, третьем) слогах, если в первом слоге имеется лаби- альный [o, θ, y, ɿ] гласный» [Убушаев 2006: 40]:	«Final vowels are also preserved although re- duced, e.g. xarā ‘black’» [Somfai-Kara 2012: 202].	«Гласный ё встреча- ется во всех слогах слова»: <i>küükün</i> ‘девочка’, <i>nüülmən</i> ‘слезы’, <i>üüdiin</i> ‘дверь’, <i>üülin</i> ‘облако’, <i>üüzüg</i> ‘буква’, <i>üüdi</i> ‘обед’, <i>üüsün</i> ‘молоко’, <i>üngün</i> ‘письма’, <i>üükü</i> ‘топор’, <i>üükür</i> ‘корова’, <i>üeçün</i> ‘трава’, <i>məmür</i> ‘желе- зо’, <i>üyylizüç</i> ‘зимо- вье’, <i>üy</i> ‘шуба’, <i>məsün</i> ‘лед’	Правило не обсуждается сЯ.	‘камень’, zürgən ‘6’ (*jírguhan)
(C)V(C)V(C), характер огу- бленных реду- цированных — бывает ли широ- кий огубленный рефлекс (*morin ‘ло- шадь’)	<i>mörhn</i>	«Широкие огубленные воз- можны и в не- первых слогах: <i>əñkə</i> ‘дедушка’, <i>əñrçə</i> ‘трудъ’, <i>məñçən</i> ‘сереб- ро» [Генишев 1976: 84].	a) олон ~ олуң ‘много’ <i>məñçən</i> ~ <i>məñçün</i> ‘серебро’ <i>əñon</i> ~ <i>əñdün</i> ‘звезда’ <i>əñmə</i> ‘впереди’, <i>əñkə</i> ‘дедъ’, <i>boçgo</i> ‘косяк’, <i>boñə</i> ‘двород- ный брат’,	V>ü, ü, ü примеры — только узкие нургуз ‘три’, үүзүл ‘зима’, үүсүн ‘зола’, күүрүм ‘свадь- ба’	«The short vowels of the non-initial syllables are reduced but not as much as in the ijl- xal’m dialect, e.g., <i>mörün</i> / <i>mörən</i>	«Гласный ё встреча- ется только в первом слоге слова. В не- первых слогах слова гласный ё не встре- чается» [Борлыкова, Меняев 2020: 61]	tösoñ A, T, tosoñ K ‘жир’, хоюж K, хојэр T ‘2’, үкүр ‘корова’, өнүүн ‘трава’

		<i>орондук</i> 'сидение'; б) Только узкие: <i>хөрү</i> '20', <i>хүрүм</i> 'свадьба'		'horse'» [Somfai-Kara 2012: 202] V > ѿ, Ѣ, ѧ, Ѧ <i>mөryн</i>	
(C)V(C)V(C)	сокращается ли непервый долгий (* <i>sibahun</i> 'птица', * <i>kadahasun</i> 'твоздь')	<i>хада:сън</i> 'твоздь', <i>чолун</i> 'камень', <i>иоозун</i> 'птица'	не сокращается, если это не U [> У (хубчун) (общекалм.)]	Long ū/ū vowels are shortened in non-initial syllables, e. g. <i>čolun</i> 'stone', <i>šowun</i> 'bird' [Somfai-Kara 2012: 202].	<i>сөwоw</i> Т 'птица' (* <i>sibahun</i>), <i>кэöтүн</i> К 'камень', <i>кэöтöн</i> Т, А (* <i>čilahun</i>), <i>utün</i> К 'дым' (* <i>hutuhan</i>), но <i>teasha-n</i> Т 'белый' (* <i>čagahan</i>)
(C)V(C)Ü(R)	редуцируется ли непервый инперсонорный долгий огубленный (* <i>barihul</i> 'рукоятка', * <i>sarahul</i> 'светлый')	<i>саръл</i> 'светлый' <i>бэръл</i> 'ручка' <i>альчър</i> 'шапок'	<i>хэрлэнэ</i> 'пости', <i>сарыл</i> 'светлый', <i>бэрл</i> 'ручка', <i>хадыр</i> 'серп', <i>чэкер</i> 'кремень'	<i>zalы</i> 'сын, мужчина',	<i>zitə</i> 'мужчина' (* <i>jalahu</i>), <i>жайын</i> 'теплый' (* <i>kalahun</i>)
U/ - C _{lab} : переходит ли в o (* <i>sumun</i> 'стрела')		как в торгутском	<i>хубчун</i> 'одежда', <i>гурву</i> 'три', <i>сүмүн</i> 'стрела', <i>хумсун</i> 'ноготь', <i>шумур</i> 'лампа', <i>үүгүл</i> 'зима', <i>үүсүн</i> 'зола'	<i>kүümök</i> Т 'ноготь' (* <i>kimusun</i>), <i>ымсын</i> Т 'зола' (* <i>ñiresü</i>)	
-b-, -b#, -bC		<i>овы</i> 'куча', <i>дөвьл</i> 'шуба',	«Часто не переходит в u или	<i>kövдi</i> 'берег', <i>deñəl</i> 'шуба', <i>сөwоw</i> 'птица',	<i>baæ:nae</i> 'есть', <i>baæ:nae</i> 'птица',

<p>авдър ‘сундук’, санва ‘думает’, но аб ‘возьми’, кеб ‘колодка’, тэб ‘положи’, тэбчк ~ тэлчк ‘положи’, зөттэ ‘положен- ный’, таб ~ тоб ‘меж- дометие’, өнчэнэ ‘болит’, би келүб ~ келүб ‘я сказал’,</p> <p>‘я сказал’</p>	<p>ѡ (на конце или перед глухой соглас- ной может переходить в р). Нередко со- храняется как [б]» [Убушаев 2006: 41]:</p> <p>кеб ‘колодка’ аб-‘брать’, тэб-‘поло- жить’, тэбчике ~ тэлчике ‘поло- жить’, зоб ‘согласие’, өбдекер ‘боль’, би келүб ‘я ска- зал’,</p>	<p>аавэ ‘дедушка’, андэр ‘сундук’, зэлнэрнэ ‘молится’, шиэр ‘ног’, тавэг ‘блудо’, заяг ‘дегаль юрты’, санва ‘подумал’, дэвсэр ‘подстилка для скота’, дэвхэг ‘пинать’, тебкэ ‘кобылка’, тэбчэг / тэргчэг ‘положи’, кэрддэг ‘лежачий’, зöб-зöр ‘правильный’, зöртэг ‘положенный’, өрсэндэг ‘болит’, хöрчк ‘подстилка под седло’, аб ‘возьми’, ирнäб ‘приду’, таб ‘положи’, блхелий ‘я сказал’</p>	<p>анва ‘жена’ (*abagai), ар ‘возьми’ (*ab), өртээндэг ‘болит’, öртэг ‘труд’, (*ebchihü(n))</p>
<p>б перед носо- выми</p>		<p>йомна ‘придет’, тэмнэ ‘кладет’</p>	<p>йомна ‘идет’, тэмнэ ‘кладет’, амна ‘берет’, но азэг юнав ‘сейчас придет’</p>
<p>*č: возникает ли оппозиция между шипящей и свистящей аф- рикатами (*čagahan ‘бе- лый’,</p>	<p>‘Из-за отсут- ствия перелома и произноше- ние многих слов остается таким же, как в древнемонголь- мый,</p>	<p>ч сохраняется всегда, кроме 3 случаев: билигэ ‘кольцо’ үүгэла ‘портняки’ инчхана ‘ржет’</p>	<p>отсутствие со- гласного [ч] и последнее употребление африкаты [ч], например, чаха:н ‘белый’, чэбер ‘чистый’;</p> <p>«The af- fricate č is usually pro- nounced č in that dialect. The separa- tion of č / č</p>

<p>*čag 'время', ском» [Дондуков 1973: 168]: чырай 'лицо' («по-чельек-ски»)</p>	<p>часын 'снег', чаг 'время', чэкур 'кремень', чонга: 'битъ', чуha:p 'все', чугуурыхы 'событияться', чарча 'саранча'</p>	<p>is not so evident as in other Oirad dialects, e. g. čayān 'white', časān 'snow'» [Somfai-Kara 2012: 202].</p>	<p>čapə 'сани', čavan 'белый', čegān 'прозрачный', čäärän 'далъше', čukaj 'вместе', časən 'снег'</p>
<p>*j: позиции палагализации и депалагализации соответствуют современным монгольским и киргизским языкам</p>	<p>Африкаты ə, ɿ, ɿ, ɿj соответствуют современным монгольским и киргизским языкам</p>	<p>жыре '60'</p>	<p>«The separation of j/j is common but as in other Oirad dialects j is pronounced as z, e. g. zuryā 'six'» [Somfai-Kara 2012: 202]</p>
<p>jV: переход в [j] (*jigasun 'рыба')</p>	<p>liV, niV (maliya 'плеть', sonin 'новость, интересный'); переход в [j]</p>	<p>йокчана 'стоит' йайсанын 'рыба'</p>	<p>ja:sən 'рыба'</p>

Спорадический переход начального <i>1</i> > [j]	а) « <i>Үбүллярның</i> смычный куплон Къ »; Зокъя ‘сметана’, нокъя ‘собака’, къира ‘ворона’; б) <i>вэйрный</i> : буга ‘бык’, в) « <i>Глубокозаднеязычная аффриката</i> къ , смычная часть которой артикулируется неясно, обраузуется и ся в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким небом. С заднегрядными гласными, кхонь ‘овца’, кхойр ‘2’, кхазыр ‘земля’, кхупчу ‘одежда’, кхакзар ‘узденка’, макхын ‘мясо’, күткүү ‘ноги’»	явиш ‘халат’ вместо <i>лашын</i>	<i>javšik</i> ‘халат’
	а) <i>тапаым</i> ‘подколенный стиг’, <i>бакъсын</i> ‘вид козла’, <i>макъор</i> ‘кривой’, <i>сақна</i> ‘посвящать себя’, <i>түжрна</i> ‘натравливает’, <i>шаарқына</i> ‘носит’, <i>бакырсын</i> ‘небольшой ломтик’; б) <i>кх-</i> в мягкорядных и твердорядных словах в начале слова: <i>кхүрүм</i> ‘свадьба’, <i>кхүчүн</i> ‘одежда’	а) «В их языке сохранились следы заднегрядного варианта гласного [i]. Например, <i>такым</i> ‘подколенный стиг’, <i>бакырсын</i> ‘небольшой ломтик’, <i>кх-</i> в мягкорядных и твердорядных словах в начале слова: <i>кхүрүм</i> ‘свадьба’, <i>кхүчүн</i> ‘одежда’ и др.» [Борлыкова, Меняев 2020: 64]	а) «Согласная <i>к</i> имеет также твердый оттенок: <i>takum</i> ‘подколенный стиг’, <i>шорға</i> : <i>шорға</i> : ‘чёрвак’ (* <i>korkai</i>), <i>χайтан</i> , <i>χайтан</i> ‘теплый’ (* <i>kalahun</i>), <i>seп kүткүо</i> : А ‘хороший нож’ (* <i>kituha</i>) <i>kүмсөй</i> Т ‘ногот’ (* <i>kimusun</i>), <i>taka</i> : ‘курица’ (* <i>takiya</i>)

<p>*k в переднерядном окружении</p> <p>жекер 'корова', к'эл'и 'язык', кел 'нога'</p>	<p>жекер 'корова', к'эл'и 'язык', кел 'нога'</p>	<p>хөнгүү 'баран-Асс' (*köni), к'ийен 'холодный', (*köj-ten, калм. kīñ), к'юл, к'юлүн 'нога' (*köl), к'ел, к'елэн 'язык' (*kilen), екэ 'мать' (*éke), үкүр 'корова' (*hüker)</p>
<p>g в заднерядном окружении</p>	<p>гэб — увулярный щелевой: гъюйр 'мука', гъесун (опечатка?) 'саноти', нами, а также между сонор- ными и гласны- ми» [Тенишев</p>	<p>«Увулярный h в начале слова — смычный, в се- редине слова — щелевой</p> <p>1976: 84]: гүй 'бездро', гүрэү 'три', гүнчү 'трид- цать', маннаган 'с нами', маннаган 'с вами', зырга 'шесть', арнургун 'спи- на', толг'а 'голова'</p>
<p>Оглушение *g в сочетании с со- нантом</p>	<p>-</p>	<p>Н. Н. Убушаев отмечает для бузавского диа- лекта</p>

ских признаков, по которым Н. Н. Убушаев решительно сближает каракольский диалект с диалектом калмыков-цаатанов.

Но наш материал не подтверждает оба типа различий. Все три проанализированных информанта неизменно выдавали характерное для калмыков-торгутов развитие **ai#*, **iya#* > [a:] и, соответственно, при отсутствии позиции отсутствие упереднения первой гласной (см. рис. 1, 2, 3). Это касается как словарных форм исконно двусложных и трехсложных имен (*nəχa*: ‘собака’, *teχa*: ‘змея’, *tolχa*: ‘голова’ < **tolugai*, *χorχa* ‘червяк’; *taka*: ‘курица’), так и комитативного суффиса **-tAi*: *usuňta*: ‘мокрый’ — и презентного ойратского показателя **-nAi*: *su:na*: ‘сидит’, *zoχsuna*: ‘стоит’. Такое развитие характерно и для большинства ойратских диалектов Монголии (см. табл. 2а).

Специфическое развитие показывает отрицательный предикат **UgAi* ‘нет’ (калм. лит. ‘уга’): по-видимому, конечная долгая гласная подверглась губному сингармонизму, после чего начальный узкий выпал; в результате все 4 произнесения всеми информантами выглядят как [gə] (сокращение, видимо, вследствие грамматикализации).

Н. Н. Убушаев отмечает интересное развитие глагольной формы презенса *su:χə:nə*: ‘садится’: в цаатанском подговоре — *su:χi:nə*, *йовχi:nə*, *сурχi:nə*: «с заменой первого [ə:] на нейтральный долгий [i:]’, ‘примиряющий’ две разные системы гласных в одном слове» (лит. *su:χa:nə*, *зогсча:nə*, *нарча:nə*). В нашем материале, зафиксированном от каракольских калмыков, это единственный тип основ, в котором мы видим *-ae*: в соответствии с пражсковым **-ai#*, при этом форма не совпадает с указанной цаатанской; это *su:ðænæ*: ‘сидит’, *nistænæ*: ‘летит’

(**sahu-ja-i-nAi*, **unis-ja-i-nAi*). Вероятно, здесь рефлекс первого дифтонга обусловлен его внутренней позицией в слове, а конечный гласный развивается сингармонически под его влиянием. Похоже, что именно такие формы обусловили не вполне точное описание каракольско-калмыцкой ситуации у предшественников; ср., впрочем, отклоняющуюся от нашего правила форму *ärvä* ‘просо’ в [Борлыкова, Меняев 2020: 60].

3.1.2. Развитие сочетания **ayi*

Внутреннее сочетание **ayi* в каракольском калмыцком стандартно развивается в æ:, вызывая упереднение последующих гласных (рядный сингармонизм): [sæ:n] ‘хороший’ < **sayin*, [bæ:næ] ‘есть’ из общеойратского **bayinai*. Такое же развитие наблюдается во всех ойратских диалектах Монголии (дербеты, торгуты, захчины, хотоны, олетский, урянхайцы, байты *sān*, олеты *sāŋ*) [Цолоо 1988: 741; Баттулга 2019: 330], *bä:gü:lä:l* ‘организация’ (во всех ойратских диалектах Монголии) < *bayiyulal* [Цолоо 1988: 88]. Однако **ayi* > a: в торгутском, донском подговоре дербетского калмыцкого, бузавском [Убушаев 2006: 84] (см. рис. 4, 5).

3.1.3. Упереднение перед **i*

Описываемое предыдущими исследователями действие «ойратского умлаута», то есть упереднение гласной слова перед «нейтральной» **i*, а также перед вновь развившейся æ, наблюдается и в нашем материале (см. табл. 3).

То, что находится в нашем материале, соответствует распределению, вырисовывающемуся в этой таблице для сарт-калмыцкого (и соответствующему цаатанско-му): *taka*: ‘курица’ (< **takiya*), *teoxteəwə*: ‘срубил’ (< **čoki-ji-bAi*), т.е. без умлаута

Таблица 2а. Развитие **ai* и **iya* в ойратских диалектах Монголии [Баттулга 2019; Цолоо 1988]
[Table 2a. Evolution of **ai* и **iya* in Oirat dialects of Mongolia]

		олет. [Баттулга 2019]	дзах.	торг.	урян.	дерб.	байт.	хотон.
<i>*ai#</i>	‘собака’	<i>nøxa:</i>	<i>nøxo:</i>	<i>nøxo:</i>	<i>nøxo:</i>	<i>nøxo:</i>	<i>nøxa:</i>	<i>nøxa:</i>
	‘свинья’	<i>haxa:</i>	<i>haxa:</i>	<i>haxa:</i>	<i>haxa:</i>	<i>haxa:</i>	<i>haxa:</i>	<i>haxa:</i>
<i>*iya#</i>	‘курица’	<i>taka</i> [Баттулга 2019], <i>taka</i> : [Цолоо 1988]	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>	<i>takā</i>	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>

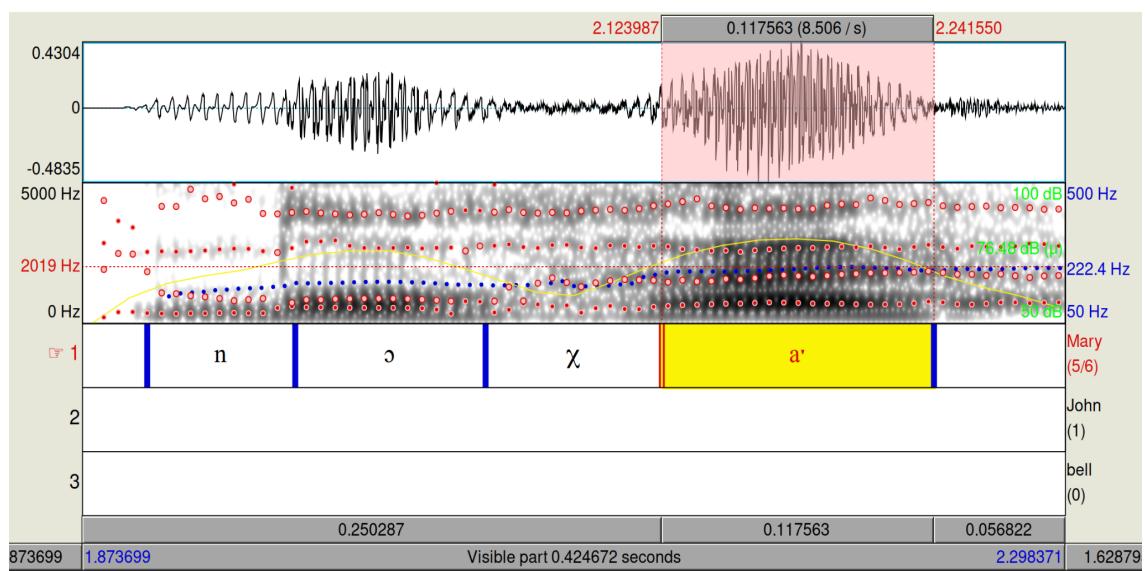

Рис. 1. *nɔχa* ‘собака’. Отчетливо виден удлиненный характер последней гласной
[Fig. 1. *nɔχa* ‘dog’. Prolongation of the last vowel is evident enough]

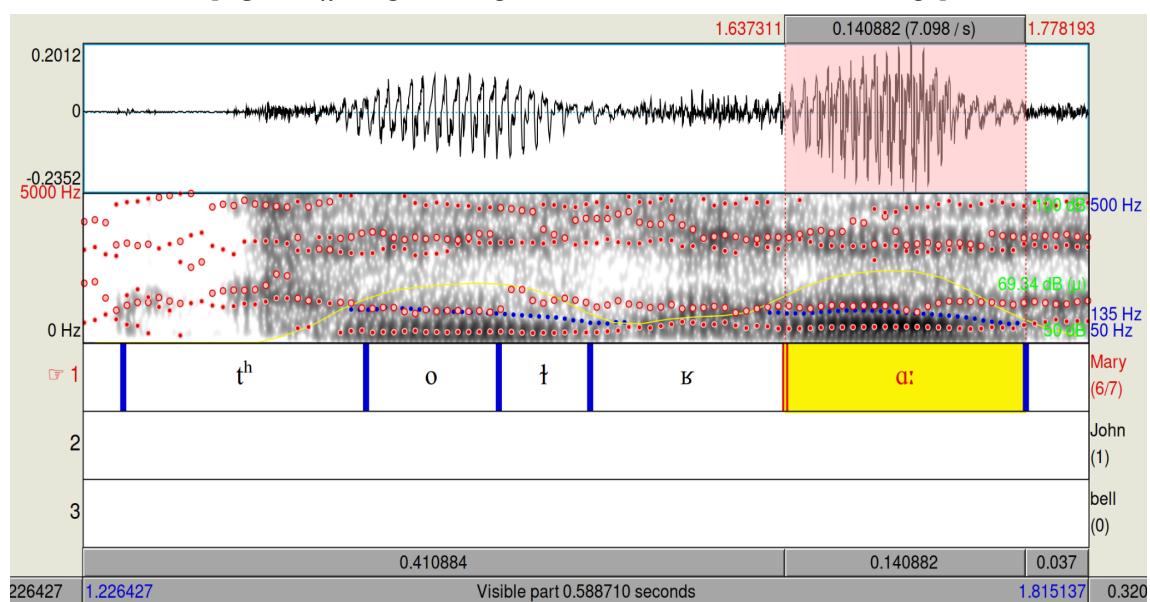

Рис. 2. *thoχxa* ‘голова’
[Fig. 2. *thoχxa* ‘head’]

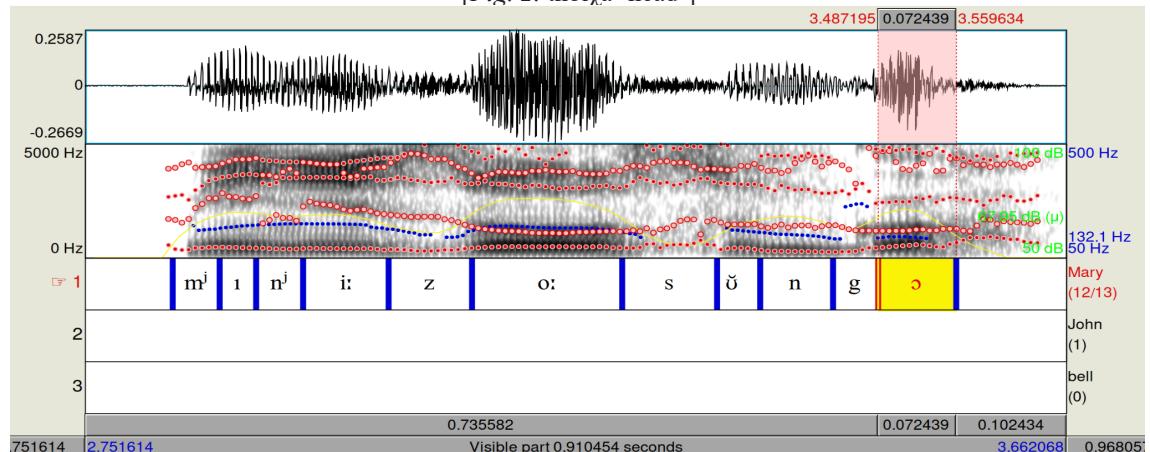

Рис. 3. *mjinji zo:sõn go* ‘у меня нет денег’
[Fig. 3. *mjinji zo:sõn go* ‘I have no money’]

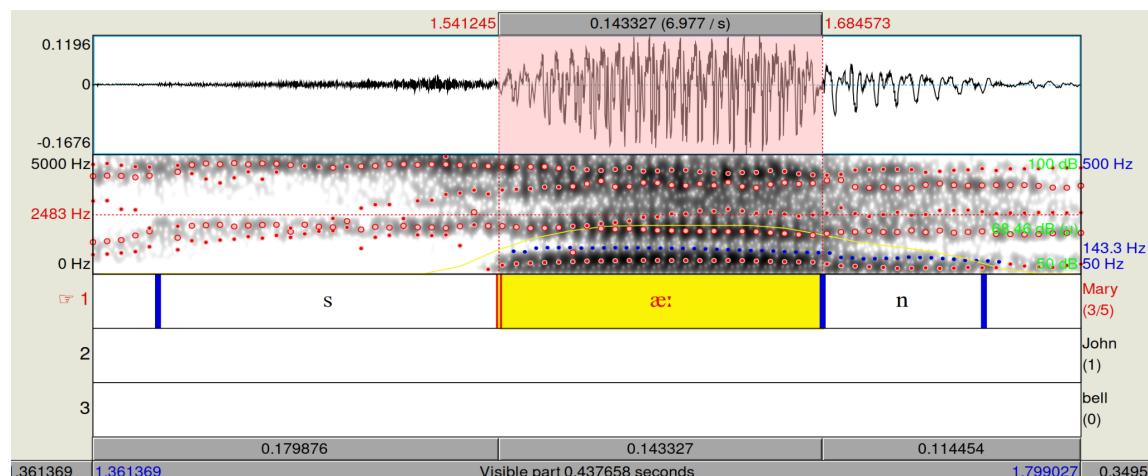

Рис. 4. *sæ:n* 'хороший'
[Fig. 4. *sæ:n* 'good']

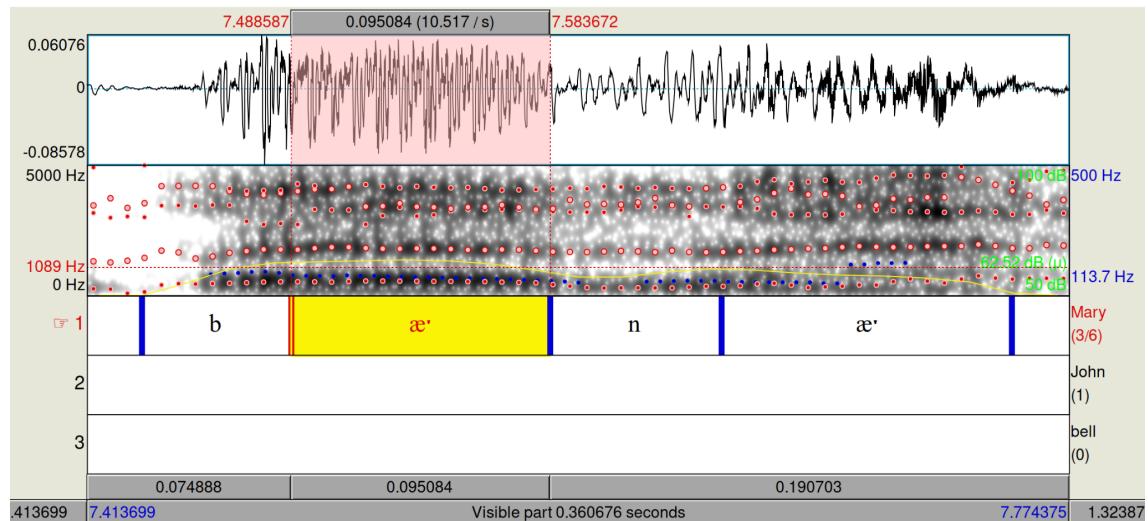

Рис. 5. *bæ-næ* 'есть, имеется'
[Fig. 5. *bæ:næ*: 'be; have got']

Таблица 3. «Ойратский умлаут» в калмыцких диалектах (по: [Убушаев 2006])
[Table 3. «Oirat umlaut» in the Kalmyk dialects]

Перевод		Лит.	Торг.	Дерб.	Ики-дерб.	Буз.	Цаат.	Сарт.
‘подколенок’	*VKi *takim		такым	тәкем	тәкем		такым	такым
‘ветер’	*VRKi *salkin	салькън	сәлкен	салькын	салькын		сәлкен	
‘лошадь’ ‘овца’	*VRi *morin *konin	мөрен	мөрен	мөрен		морын		мөрен
			хөөн	хөөн		хоонь		

при заднеязычном перед умлаутизирующей гласной, но с умлаутом при прочих согласных: *mørgү́n* ‘лошадь’, *xønү́-gə* ‘баран-Асс’, *elim-gə* ‘яблоко-Асс’ (один раз встречено *alim-gə* Т), *tæwə* ‘50’ (< **tabin*). В материале [Борлыкова, Меняев 2020] этому распределению соответствуют почти все формы, включая *takum* ‘подколенный сгиб’, но противоречит один пример: *čäkəlnä* (калм. лит. *цэклнэ*) ‘сверкает’, **čaki-l*¹. В ойратских диалектах Монголии мы видим следующую ситуацию (см. табл. 3а).

В этих данных можно усматривать систему, похожую на сарт-калмыцкую, в хотонском, байтском и торгутском — с отсутствием умлаутизации перед заднеязычным и ее бесперебойным наличием при других согласных.

3.1.4. Перелом *i

Что касается перелома *i первого слога, то в наиболее ранней работе Дондукова вообще отрицается перелом в сарт-калмыцком. Однако начиная с Э. Р. Тенишева все пишут о неполном или нерегулярном переломе. Эти различия не могут быть

¹ Еще один пример, *äxər* (калм. лит. *axər*, олёт. *äxər*) ‘короткий’ [Борлыкова, Меняев 2020: 60] не поддается интерпретации: письменно-монгольская форма этого прилагательного *aqur*, письменная ойратская *aqar* [Цолоо 1988: 24], в ойратских говорах Монголии в [Цолоо 1988: 24; Баттулга 2019: 169] только заднерядные формы, без следов умлаута.

обусловлены временем обследования: полевые записи Дондукова, Э. Р. Тенишева и Н. Н. Убушаева проводились в одном и том же году. Наш материал дает довольно четкую систему (по-видимому, соответствующую тому, что описывалось Э. Р. Тенишевым, Д. А. Павловым и Н. Н. Убушаевым): перелом происходит в заднерядных словах при любой начальной согласной, кроме *j-; в переднерядных — при любой начальной согласной, кроме *s- (т. е. ε-). Ср., с одной стороны, *kʰumsuň* ‘ноготь’ Т (**kimusun*), *kʰutxо*: ‘нож’ (**kituga*), *taχən* ‘мясо’ (**mikan*), *cat* ‘зажги’ А, Т (**sita*), *tevšún* ‘кровь’ А, К, Т (**čisun*), *n'ydyň* ‘глаз’ (< **nidün*), *n'eyən* ‘один’ (< **nigen*); с другой — *džirən* Тек ‘60’ (< **jiran*), *cidən* ‘зуб’ (**sidün*). При этом если вторая гласная долгая (вследствие стяжения комплекса с *h), то перелом происходит при любой начальной согласной: *cówuň* Т ‘птица’ (< **sibahun*), *teolún* К, *teółoň* Т, А ‘камень’ (< **čilahun*), *zurkən* ‘6’ (**jirguhan*). То же распределение извлекается как будто из материала Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева (см. табл. 1).

3.1.5. Редуцированные непервого слога

Характер рефлексов непервых кратких гласных для каракольского калмыцкого описывается в основном как «несколько

Таблица 3а. «Ойратский умлаут» в ойратских диалектах Монголии
(по: [Цолоо 1988: 800, 803, 639, 454])

[Table 3a. Oirat Umlaut in Oirat Dialects of Mongolia]

Перевод		Олёт	дзах.	торг.	урян.	дерб.	байт.	хотон.
‘подколенок’	*VKi *takim	<i>täkim</i> , <i>takäm</i>	<i>täkim</i> , <i>takäm</i>	<i>takäm</i>	<i>täkim</i> , <i>takäm</i>	<i>takäm</i>	<i>takäm</i>	<i>takäm</i>
‘кожемялка’	*VRKi *talki	<i>tałkä</i>	<i>tałkä</i> , <i>tałkä</i>	<i>tałkä</i> , <i>tałkä</i>	<i>tałkä</i>	<i>tałkä</i>	<i>tałkä</i>	<i>tałkä</i>
‘лошадь’	*VRi *morin	<i>möröň</i> , <i>mör</i>	<i>möröň</i> , <i>mör</i>	<i>möröň</i>	<i>möröň</i> , <i>mör</i>	<i>morň</i> , <i>mör</i> , <i>möröň</i>	<i>möröň</i>	<i>möröň</i>
‘овца’	*konin	<i>hö:</i> [Баттулга 2019: 396]	<i>xö:,</i> <i>xö:n,</i> <i>xö:näč</i>	<i>xö:näč</i>	<i>xö:näč</i> , <i>xö:n</i>	<i>xö:n,</i> <i>xö:,</i> <i>xoen</i>	<i>xö:n</i>	<i>xö:n,</i> <i>xöi</i>

более четко артикулируемые редуцированные». Действительно, анализ показывает, во-первых, в данном случае сверхкраткие гласные (в полтора-два раза короче недолгих гласных 1-го слога). Во-вторых, эти редуцированные получают огубленность, если предшествующая гласная огубленная. Таким образом в говоре, в отличие от литературного калмыцкого, где различаются редуцированный заднего ряда (ə), переднего ряда (ə) и восходящий к *i (i), имеются еще две огубленные гласные — ə и ə. Огубленные и неогубленные редуцированные непервых слогов после губной первой гласной выделяются и в говорах ойратов Монголии, ср.: ‘корова’: *ükiir* (дерб.,

торг., олед., урян., байт., хотон.), *ükiir* (дзах., урян.), *ükküir* (дзах.) [Цолоо 1988: 884; Цэндээ 2012: 34, 41].

Упоминания авторов о наличии широких огубленных редуцированных (обычно варьирующихся с узкими), возможно, связаны с тем, что качественно эти гласные сдвинуты из верхнего подъема к среднему (как это свойственно всем редуцированным). Конечная краткая в двусложном слове, видимо, полностью исчезает спорадически: *χar* ‘черный’ А, К, Т (**kara*); *cat*, *catə* ‘зажги’ А, Т (**sita*); *ekə* ‘мать’ (**eke*); непервые гласные в закрытом слоге обычно не исчезают (см. рис. 6, 7, 8, 9, 10).

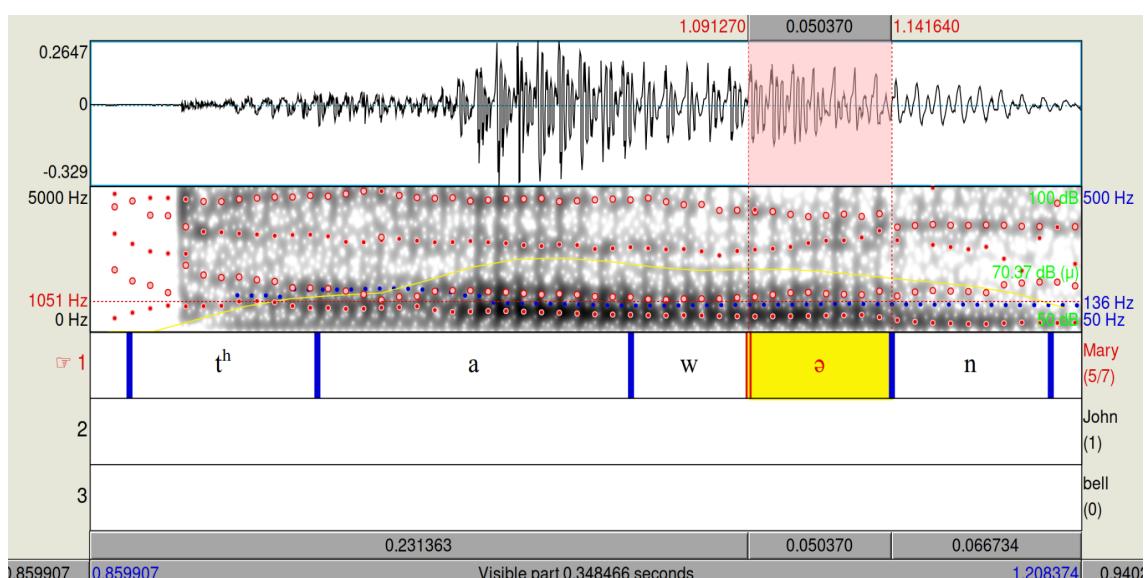

Рис. 6. *tʰawən* ‘пять’
[Fig. 6. *tʰawən* ‘five’]

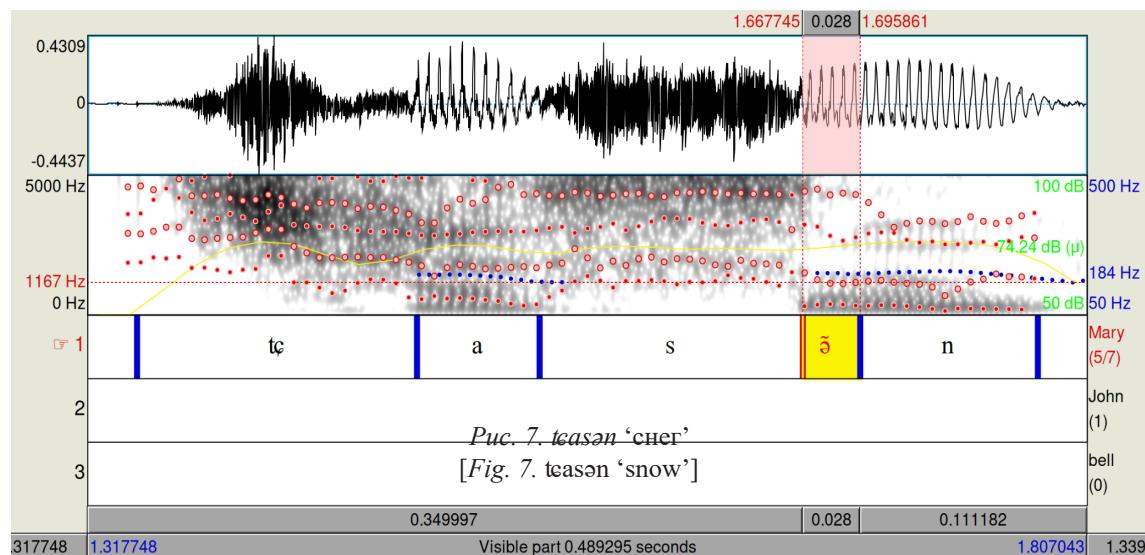

Рис. 7. *teasən* ‘снег’
[Fig. 7. *teasən* ‘snow’]

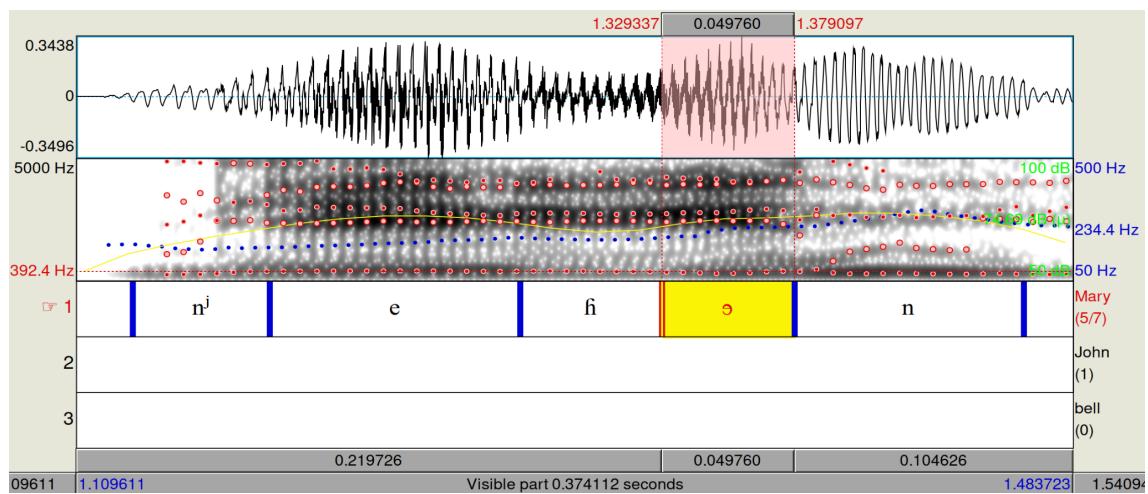

Рис. 8. *n'ehən* 'один'
[Fig. 8. *n'ehən* 'one']

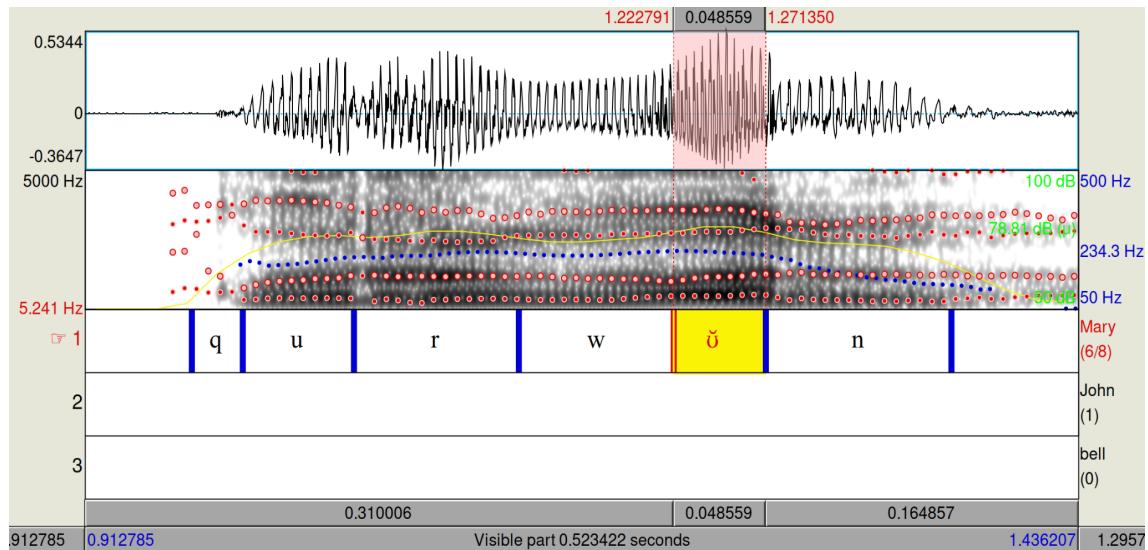

Рис. 9. *qurwun* 'три'
[Fig. 9. *qurwun* 'three']

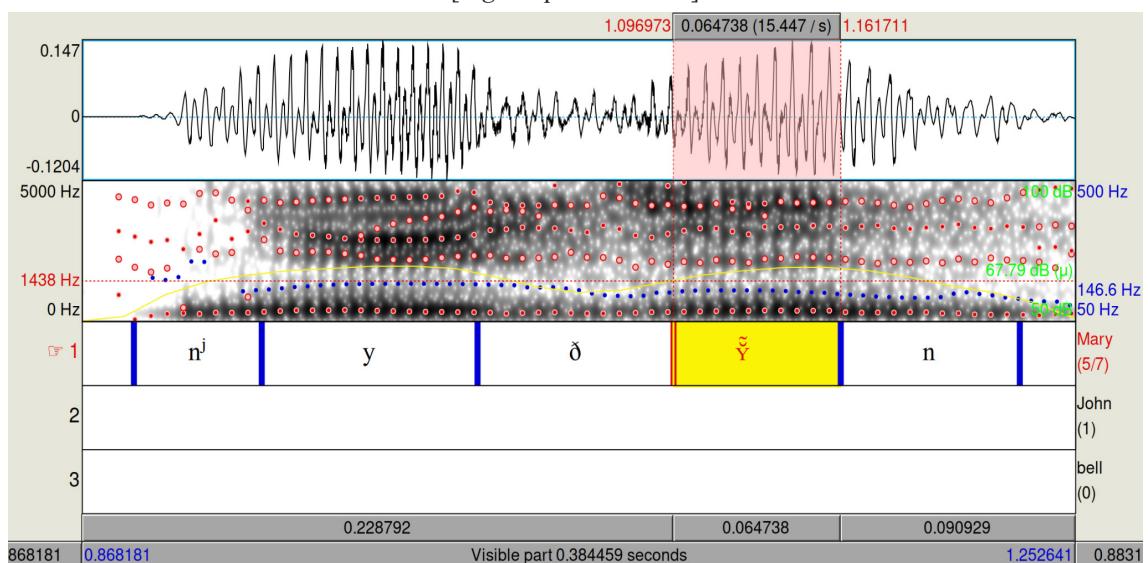

Рис. 10. *n'yðūn* 'глаз'
[Fig. 10. *n'yðūn* 'eye']

3.1.6. Редукция долгого огублённого в непервом слоге

Специфической характеристикой сарт-калмыцкого является также редукция долгого огублённого в непервом слоге в сонантном (скорее, пресонантном, по примечам) окружении¹ (и, по-видимому, после сонанта на конце слова), ср. *zálə* ‘мужчина’ (< **jalahu*), *qχalən* ‘теплый’ (< **kalahun*), *ćowóŋ* Т ‘птица’ (< **sibahun*), *teolún* К, *teółv̑* Т, А ‘камень’ (< **cilahun*). Аналогичное явление нам удалось встретить у олетов Монголии, см. олетские формы *šobij* (и с дальнейшим сглаживанием *ši*:) ‘птица’ < **sibahun*), *url* ‘губа’ < **uruhul* [Баттулга 2019: 25, 34]. Формы *urul*, *urál* фиксируются также у прочих ойратских народностей Монголии [Цолоо 1988: 876]. В материалах Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева редуцированные специально не отмечаются, но редукцию по подобному правилу можно видеть в форме *zaly* (калм. лит. *залу*, олет. *zaly*) ‘сын, мужчина’ с «неогубленной краткой фонемой у среднего ряда» [Борлыкова, Меняев 2020: 61] (см. рис. 11, 12).

3.1.7. Отсутствие «оканья»

Как и отмечено у Д. А. Павлова и Н. Н. Убушаева, в отношении поведения общекалмыцких рефлексов **u*, **ü* перед губными согласными, сарт-калмыцкий ведет себя так же, как торгутский, но не как дербетский и бузавский, т.е. они не переходят в *o*, *ö* соответственно: *kʰumsoŋ* ‘ноготь’ Т (**kimusun*), *ymsuŋ* ‘зора’ Т (**hünesün*). В ойратских диалектах Монголии по [Цолоо 1988; Баттулга 2019] также не наблюдается подобного окания.

3.1.8. Переход **i* > *o* перед долгим губным гласным из сочетания **ahi*

Н. Н. Поппе указывает, что в письменном ойратском рефлекс сочетания **ahi* выписывается как *oi*, и, видимо, из-за этого *o* (первого элемента дифтонга?) в калмыцком результат перелома **i* в первом слоге — *o*, а не *u* [Poppe 1987: 41–42]. Данный параметр

¹ Ср. [Убушаев 2006: 40]: “Интерконсонантный, интерсонорный гласный проявляется себя как редуцированный гласный, напр., *хэрэлнэ*: вм. торг., дерб. *хэрү:ла*: ‘пасты’; *сарыл* вм. торг., дерб. *сару:л* ‘светлый’; *бэрел* вм. торг., дерб. *бэрү:л* ‘ручка, держалка’; *кумнэ*: вм. дерб., торг. *куму:нэ*: ‘чужой, человеческий’; *хадыр* вм. торг., дерб. *хаду:r* ‘серп’, *чэкер* вм. торг., дерб. *цэку:r* ‘кремень’”, однако на с. 41 *чэку:r* ‘кремень’.

не обсуждается в работах предшественников (во всех калмыцких диалектах картина единобразна), однако ойратские идиомы дают разные рефлексы. Ср. *ćowóŋ* Т ‘птица’ (< **sibahun*), *teolún* К, *teółv̑* Т, А ‘камень’ (< **cilahun*) в нашем материале, но у олетов, дзахчинов, урянхайцев и торгутов Монголии *tšulu:n* [Цолоо 1988: 865] при олетской форме *tšolu:γ* в [Баттулга 2019: 25], у дербетов, байтов, хотонов *tšolu:n* и вариант с кратким вторым гласным у дербетов и дзахчинов: *tšolun* [Цолоо 1988: 865]. Ср. также олетскую форму *šobij* (кириллицей при этом написано *шовун*), *шуу ſi*: ‘птица’ [Баттулга 2019: 25].

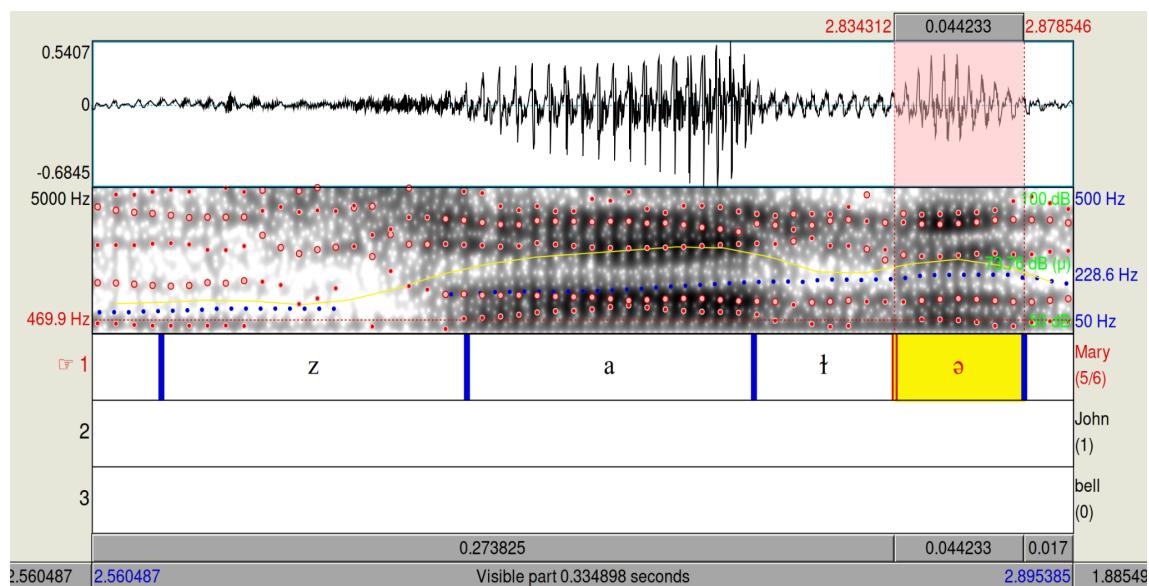
3.2. Консонантизм

3.2.1. Поведение рефлексов **b*

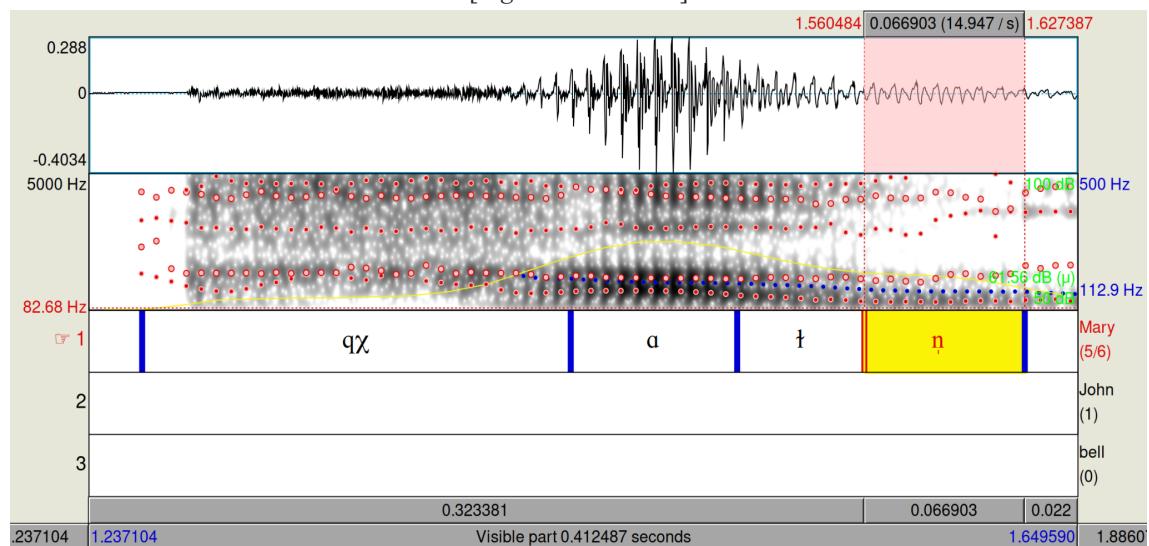
Здесь сарт-калмыцкий ведет себя так же, как бузавский диалект калмыцкого и оренбургский подговор торгутского калмыцкого, согласно описаниям. В интервокальной и постсонантной позициях, а также перед звонкой согласной **b* выступает как губно-губной щелевой или гладь (*tʰawən* ‘5’, *ćowun* ‘птица’, *qırwɔŋ* ‘3’, *awə:* ‘жена’ (**abagai*)); в начале слова — как звонкий взрывной (*bæ:næ:* ‘есть’; во фразовой позиции после последней гласной предшествующего слова возможно *wæ:næ* ‘есть’); перед глухой согласной и на конце слова — как глухой (*ap* ‘возьми’, *örçənə* ‘болит’, *kherçənə* ‘лежит’, *örtəy*: ‘грудь’ (**ebčihü(n)*), Не подтверждается в нашем материале переход *b* > *t* перед носовой согласной: *jowna:* ‘ходит’ А, Т. Практически все предшественники упоминают этот переход, в том числе в [Борлыкова, Меняев 2020: 63] *jotna* ‘идет’, *tätnä* ‘кладет’, *atna* ‘берет’, но ср. у них же на с. 60 *azər jownav* ‘сейчас придет’. Ни разу не встретился нам этот переход и при прослушивании сарт-калмыцких записей на сайте Австрийской академии наук «Vanishing languages and cultural heritage» [Karakol Kalmyk]. У ойратов Монголии такой переход отмечен в дербетском диалекте [Цолоо 1988: 518].

3.2.2. Сохранение **č*-

Характерной особенностью диалекта, связывающей его внутри калмыцкой диалектной системы с цаатанским, является сохранение **č*- перед любыми древними гласными, отсутствие перехода в *ts* в не-

Puc. 11. *załə* ‘мужчина’
[Fig. 11. *załə* ‘man’]

Puc. 12. *qχałə* ‘теплый’
[Fig. 12. *qχałə* ‘warm’]

палатализующей позиции¹. Правда, другая особенность поведения *č в цаатанском — спорадический переход в / перед сохранившимся i — у сарт-калмыков не наблюдается. Надо отметить, что, вопреки цитированному в [Борлыкова, Меняев 2020: 62] мнению Дондукова о невозможности объяснить сарт-калмыцкое чоканье киргизским влиянием, все-таки такая возможность остается: при довольно сильном воздействии кир-

гизского языка (около 10 заимствований в 110-словном списке Сводеша по нашим материалам) на современный сарт-калмыцкий и при отсутствии в киргизском оппозиции шипящей и свистящей аффрикаты (только шипящая) развитие чокания ожидаемо.

3.2.3. Рефлексация *j

*j ведет себя в нашем материале практически так же, как в любых калмыцких диалектах: в палатализующей позиции это аффриката dz, в непалатализующей — фрикативный z. В ойратских диалектах Монголии наблюдается более разнообразная картина. В байтском и хотонском диалектах в

¹ По мнению Р. Алимова, [ts] встречается только в заимствованиях из русского языка [Alimov 2014: 250]. В записях на сайте Австрийской академии, действительно, встретилось [ts] в слове *центр*.

непалатализующей позиции встречается аффриката *dz*. В дербетском и дзахчинском аффрикатный рефлекс также встречается в части говоров. Согласно Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012: 26], *z*-рефлекс из говоров ойратов Синьцзяна встречается только у торгутов и олетов, тогда как в остальных говорах — *dz*. В литературе отрицается наличие свистящей звонкой аффрикаты у каракольских калмыков, однако интересно, что в видеозаписях, размещенных на сайте Австрийской академии наук «Vanishing languages and cultural heritage» [Karakol Kalmyk] — материалы собраны проф. Теде Каль и Чингисом Азыдовым в 2023 г., причем у той же информантки, которая работала с нами, — проскальзывают аффрикатные реализации в качестве свободного варианта в соответствии с **j* в непалатализующей позиции (см. рис. 13).

3.2.4. Переход **j* > *j*-

Отмечается, что в нескольких словах начальный **j*- переходит в сарт-калмыцком в гайд *j*- . В нашем материале все эти слова произносятся с *z*-, кроме одного: *ja:sən* ‘рыба’ (< **jihasun*). У ойратов Монголии, по нашим источникам, не обнаружено. Отмечается для цаатанского [Убушаев 2006: 26] и для олетов Синьцзяна [Борлыкова, Меняев 2020: 65].

3.2.5. Переход *-ɿ-*, *-n̪-* > *j*

Палатализованные *ɿ*, *n̪* в интервокальной позиции переходят в гайд *j*: *tojə* ‘зеркало’ (< **tolui*), *sojən* ‘интересный’ (< **sonin*) Т. Я. В диалектах монгольских ойратов переход не отмечен. Не отмечен он и в известных нам описаниях цаатанского подговора торгутского [Убушаев 2006: 25–29; Убушаев 1979; Убушаев 1970: 173]. Согласно Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012: 41, 101], данный переход встречается спорадически в разных ойратских диалектах (в том числе в торгутском), но чаще всего у алтайских урянхайцев и у олетов Синьцзяна: *šijew* ‘голень’ (**silbe*), *bojəx* ‘становиться’ (**bol-*), *uja:sən* ‘тополь’ (**(h)ulihasun*). При этом Ю. Цэндээ отмечает переход и не в интервокальной позиции (правда, без уточнения диалекта): *öjtə* ~ *ölmə* ‘стопа, мысок’ (**ölmij*), *keldəg* ~ *kejdəg* ‘говорит’.

3.2.6. Рефлексия **k*

Определенное внимание авторы уделяют качеству рефлексов **k* в заднерядном и переднерядном вокальном окружении. Из нашего материала очевидно, что увулярные глухие в начальной позиции демонстрируют свободное варьирование между увулярным щелевым и увулярной аффрикатой (*χorχá*, *qχorχá*: **korkai* ‘червяк’; *χałən*, *qχałən* ‘теплый’ (**kalahun*)) и только увулярный щелевой — в интервокальной и постконсонантной позиции (*nəχa* ‘собака’ **nokai*, *tolχá*: **tolugai* ‘голова’, *kʰutχo*: ‘нож’ **kituga*) **k* перед старым **i* дает велярный придыхательный в начале слова и непридыхательный в интервокале (*kʰutχo*: ‘нож’, *kʰumsoi* ‘ноготь’ Т (**kimusun*), *taka*: ‘курица’).

В переднерядном окружении начальная **k*- выступает как велярный придыхательный в начале слова (*kʰitən* ‘холодный’ (**köjitten*, калм. *kītn*), *kʰol*, *kʰolyn* ‘нога’ (**köl*), *kʰel*, *kʰelən* ‘язык’ (**kilen*)) и как простой велярный взрывной в интервокальной позиции (*ekə* ‘мать’ (**eke*), *ukyr* ‘корова’ (**hüker*)). В переднерядном слове, где ряд стал передним из-за умлаута и вторичного сингармонизма, бывшая начальная увулярная выступает как велярная щелевая (*χənūχə* ‘баран-Ас’, **konin*).

3.2.7. Рефлексия **g*

Что касается рефлексов **g*, то в начале заднерядного слова рефлексы **g* характеризуются не звонкостью, а непридыхательностью (малой длительностью фрикативного шума между разрывом смычки и началом следующей гласной), ср. выше спектрограммы на рис. 9 ‘три’ и 12 ‘теплый’, ниже 14 ‘земля’.

В переднерядных словах начальное **g*- реализуется как велярный звонкий взрывной (см. рис. 15).

В интервокальной позиции и в переднем, и в заднем ряду рефлексы **g* - звонкие фрикативные, причем заднерядный выступает в основном как увулярный *χ*, а передний — как звонкий ларингальный *h*. На границе морфемы («вставное г») и увулярный, и велярный звонкие реализованы как непридыхательные взрывные.

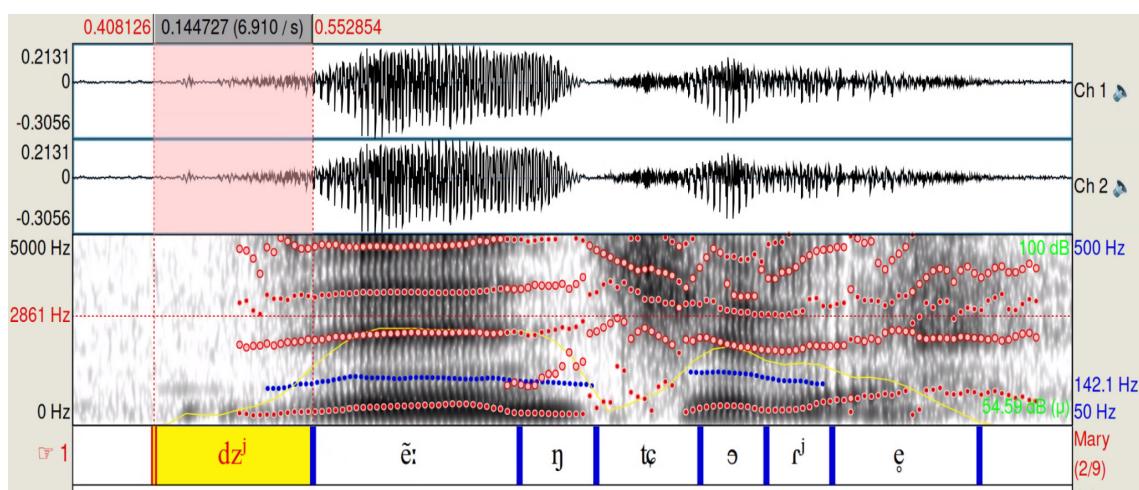

Рис. 13. *дзјё:ңтөөрјө* ‘правнуки’
[Fig. 13. *дзјё:ңтөөрјө* ‘great-grandchildren’]

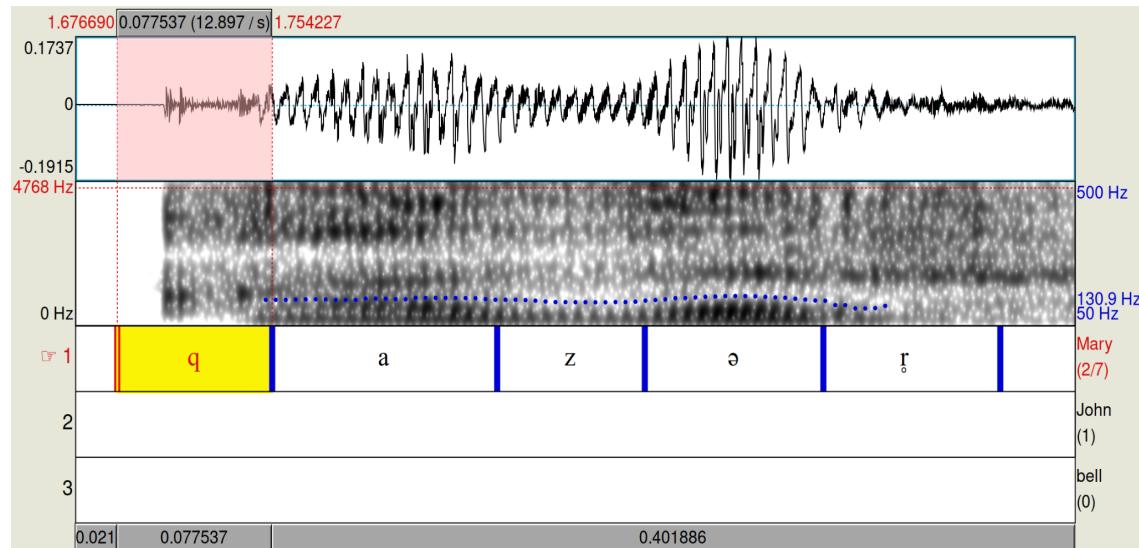

Рис. 14. *qazər* ‘земля’
[Fig. 14. *qazər* ‘land’]

3.2.8. Оглушение увулярного (фрикативизация) после *l*

В сарт-калмыцком наблюдается явление, ранее отмеченное для бузавского говора, а именно, оглушение увулярного (фактически фрикативизация) после *l*: *tolχa* ‘голова’ (**tolugai*). В ойратских диалектах Монголии наблюдается значительная вариативность рефлексов данного слова: *tolga*: (дербетский, байтский, хотонский), *tolxa*: (дзахчинский, торгутский, урянхайский, олетьский), *tolgaә* (дербетский), *tolxaә* (дзахчинский, урянхайский), *tolxa*, *tolxai* (дзахчинский, мянгатский) [Цолоо 1988: 819]

4. Выводы

Итак, в статье рассмотрены основные фонетические диагностические признаки,

характеризующие диалект каракольских калмыков, проживающих в Кыргызстане, в сравнении с другими калмыцкими и некоторыми ойратскими диалектами и говорами. Выявлены значения этих признаков на современном материале (собственном полевом материале авторов); проведено сопоставление с иногда противоречивыми описаниями, содержащимися в литературе. Устанавливается ряд фонетических распределений для действия правил переходов от общемонгольского состояния к состоянию, задокументированному для диалекта. Инструментальный акустический анализ в ряде случаев позволил подтвердить или оспорить слуховое впечатление различных исследователей диалекта. Классификационная специфическая близость диалекта к говору калмыков-цаатанов

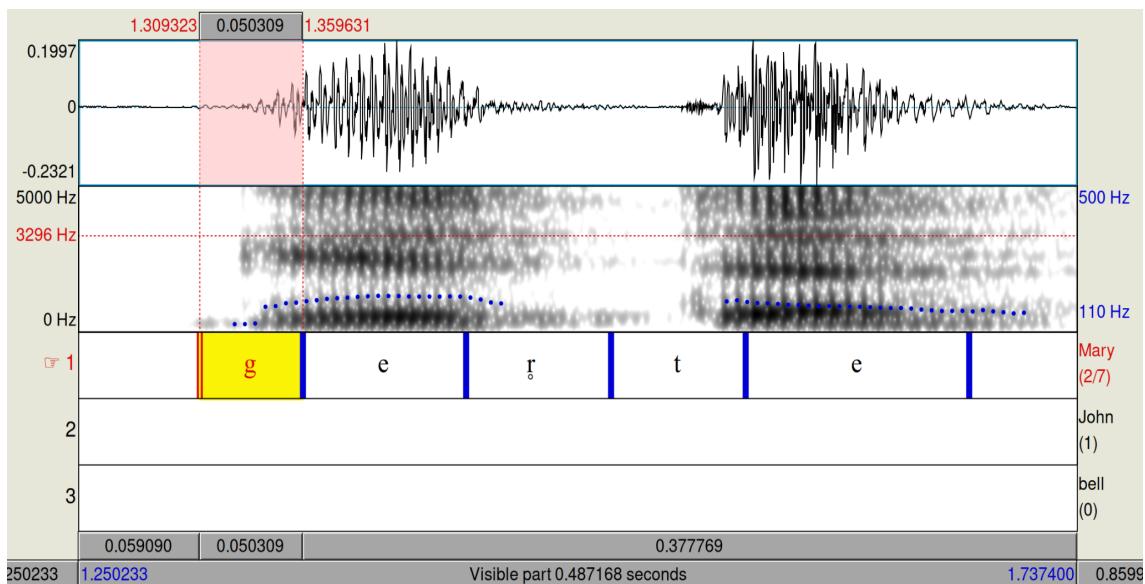

Рис. 15. *ger te ‘в доме’

[Fig. 15. *ger te ‘[at] home’]

* Звонкость на спектрограмме демонстрируется наличием синей точечной линии («голоса») на интервале произнесения согласной. На рис. 9, 13, где рефлексы начальных звонких представлены в заднерядных словах, таких линий на протяжении согласной нет, они начинаются с началом вокализического отрезка.

пока подтверждается по трем параметрам (чокание, правило умлаута, спорадическое отражение *j- как [j]), и не подтверждается по параметру рефлексации *ai#. Специфической близости к олетьским говорам Монголии в доступном нам материале не наблюдается (редукция долгой огубленной в непервом слоге свойственна далеко не только олетьским говорам, как и развитие *i > o перед *ahu); впрочем, сами эти доступные данные крайне разнородны. В [Борлыкова, Меняев 2020: 63, 65] упоминается о специфической близости к части торгутов Синьцзяна по чоканию, а также о специфической близости к олётам Синьцзяна по различию огубленных редуцированных (но, как справедливо замечено в [Алимов 2014: 248]

об этой черте и чоканы в отношении близости с цаатанами, все это может расцениваться как архаические черты и потому не может служить доказательством особой генеалогической близости), переходу *bn > mn (в нашем материале не наблюдается), переходу *li, *ni в [j]; и все это по личным полевым материалам авторов. К сожалению, сколько-нибудь релевантные материалы по олётам Синьцзяна пока нам недоступны. Окончательное решение и вообще основанная на лингвистических признаках классификация говоров за пределами Калмыкии могут быть получены только после фонетического обследования других диалектов калмыцкого и ойратского языков по признаковой матрице, примененной здесь.

Сокращения

- байт. — байтский
буз. — бузавский
дерб. — дербетский
дзах. — дзахчинский
ики-дерб. — ики-дербетский
калм. — калмыцкий
кирг. — киргизский

- лит. — литературный [калмыцкий язык]
олёт. — олётский
ПМА — полевые материалы авторов
торг. — торгутский
урян. — урянхайский
хотон. — хотонский
цаат. — цаатанский
сарт. — диалект сарт-калмыков (каракольский)

Список информантов

А — Алымбаев Рыскелди Алымбаевич, с. Берю-Баш, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 К — Кыдыраева Гульзапа Курбангалиевна, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Т — Тарбатова Дүйшекан Ахтемовна, с. Берю-Баш, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Тек — Текебаев Абдыбек Текебаевич, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Я — Якубов Сабыр Садырович, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан

Литература

- Баттулга 2019 — *Баттулга С. Өөлдийн аман аялгүү. Улаанбаатар: Бемби сан, 2019. 447 х.*
- Борлыкова, Меняев 2020 — *Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. О некоторых фонетических особенностях сарт-калмыцкого языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 58–66. DOI: 10.31857/S241377150009741-8*
- Бурдуков 1935 — *Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.*
- Дондуков 1973 — *Дондуков У.-Ж. Ш. Некоторые языковые особенности говора иссык-кульских сарт-калмыков (оиратов) в сравнительном освещении с монгольскими и киргизским языками // Олон улсын монглч эрдэмтний II хурал. I б. Улаанбаатар, 1973. С. 166–172.*
- Дондуков 1975 — *Дондуков У.-Ж. Ш. О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков // Проблемы алтайстики и монголоведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 216–233.*
- Павлов 1990 — *Павлов Д. А. Каракольские калмыки и их язык. Элиста: КалМГУ, 1990. 64 с.*
- Тенишев 1976 — *Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкоznания. 1976. №1. С. 82–87.*
- Убушаев 1970 — *Убушаев Н. Н. Некоторые особенности цаатанского подговора // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста: Респ. типография, 1970. С. 167–177.*
- Убушаев 1979 — *Убушаев Н. Н. Фонетика тургутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 194 с.*

List of informants

Ryskeldi A. Alymbaev. Beryu-Bash (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Gulzapa K. Kydyrbaeva. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Duyshekan A. Tarbatova. Beryu-Bash (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Abdybek T. Tekebayev. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Sabyr S. Yakubov. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).

References

- Battulga S. Olot Dialect of Ulaanbaatar: Bembi san, 2019. 447 p. (In Mong.)
- Borlykova B. H., Menyaev B. V. About some phonetic features Sart-Kalmyk language. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2020. Vol. 79. No. 4. Pp. 58–66. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150009741-8
- Burdukov A.V. Karakol Kalmyks (Sart-Kalmaks). *Sovetskaya etnografiya*. 1935. No. 6. Pp. 47–79. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Some features of Issyk-Kul Sart-Kalmyk (Oirat) in comparison to Mongolian and Kyrgyz. In: Second International Conference of Mongolists. Vol. 1. Ulaanbaatar, 1973. Pp. 166–172. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. On some features of Issyk-Kul Kalmyk. In: Issues of Altaic and Mongolian Studies. Moscow: Nauka – GRVL, 1975. Pp. 216–233. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Karakol Kalmyks and Their language. Elista: Kalmyk University, 1990. 64 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. On Issyk-Kul Kalmyk. *Voprosy Jazykoznanija*. 1976. No. 1. Pp. 82–87. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Some features of Tsaatan Kalmyk. In: Celebrating the 320th Anniversary of Old Kalmyk Script. Elista, 1970. Pp. 167–177. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Phonetics of Torghut Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 194 p. (In Russ.)

- Убушаев 2006 — Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: КИГИ РАН, 2006. 255 с.
- Цолоо 1988 — Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II Ойрад аялгуу. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1988. 944 с.
- Цэндээ 2012 — Цэндээ Ю. Ойрад аялгууны хэл зүй. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 256 с.
- Яхонтова 1996 — Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Alimov 2014 — Alimov R. Sart-Kalmaklar ve dilleri üzerine (= Язык сарт-калмаков. Заметки с места исследования) // Journal of Endangered languages Turkic Languages. 2014. Vol. 2. № 4–5. Pp. 243–252.
- Karakol Kalmyk — Karakol Kalmyk // Vanishing languages and cultural heritage [ресурс] // <https://www.oeaw.ac.at/vlach/collections/oirat-kalmyk/karakol-kalmyk> (дата обращения: 03.07.2025)
- Poppe 1987 — Poppe N. N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p.
- Rákos 2015 — Rákos A. Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirad Dialects. DD. Budapest, Eötvös Loránd University, 2015. 166 p.
- Somfai-Kara 2012 — Somfai-Kara D. Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). In: Ágnes Birtalan (ed.). Oirad and Kalmyk linguistic Essays. Budapest, Eötvös Loránd University, 2012. Pp. 197–210.
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2006. 255 p. (In Russ.)
- Tsoloo J. Dictionary of Local Mongolian Dialects in the MPR. Vol. 2: Oirat Mongolian.. Ulaanbaatar: Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, 1988. 944 p. (In Mong. and Oir.)
- Tsengde Yu. Grammar of Oirat Mongolian. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 256 p. (In Mong.)
- Yakhontova N. S. Seventeenth-Century Literary Oirat. Moscow: Vostochnaya littratura, 1996. 152 p. (In Russ.)
- Alimov R. On the Sart-Kalmaks and their language. *Journal of Endangered languages*. 2014. Vol. 3. № 4–5. Pp. 243–252 (In Turk.)
- Karakol Kalmyk. On: Austrian Academy of Sciences (website). Vanishing languages and cultural heritage (VLACH). Available at <https://www.oeaw.ac.at/vlach/collections/oirat-kalmyk/karakol-kalmyk> (accessed: 3 July 2025). (In Eng.)
- Poppe N. N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p. (In Eng.)
- Rákos A. Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirad Dialects. Budapest: Eötvös Loránd University, 2015. 166 p. (In Eng.)
- Somfai-Kara D. Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). In: Birtalan Á. (ed.) Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. Budapest: Eötvös Loránd University, 2012. Pp. 197–210. (In Eng.)

